

УДК 82; 821.161.1

**ИСЛАМ И ШАРИАТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
(на материале произведений В.К.Кюхельбекера)**

И.Н.АСАДОВ

Бакинский государственный университет
ibrahimasadov@bsu.edu.az

В настоящей статье рассматривается проблема освоения и восприятия Корана, ислама и шариата русской литературой первой трети XIX века на материале творческого наследия известного русского поэта и критика, участника декабристского восстания В. К. Кюхельбекера.

Полгода, проведенные Кюхельбекером на Кавказе, не прошли бесследно. Поэт хорошо изучил не только культуру, традиции, образы и обычаи мусульманских народов, проживающих здесь, но и познакомился с основными положениями и догматами Ислама и Шариата, а также с содержанием Корана, что способствовало органическому соединению характерных особенностей мировосприятия и мышления мусульманина с собственным мировоззрением самого Кюхельбекера.

Отзвуки прочтения Корана обнаруживаются в ряде поэтических и прозаических произведений Кюхельбекера, а также в его дружеской переписке, что и является предметом нашего исследования.

Ключевые слова: Кюхельбекер, Ислам, Шариат, Коран, сура.

Введение. Азербайджанская филологическая наука на протяжении длительного времени занимается проблемами сравнительно-типологического анализа русско-восточных литературных взаимосвязей.

Одной из насущных проблем, все еще ожидающих своего исследователя, остается всестороннее изучение истории восприятия и освоения Ислама и шариата представителями русской литературы и культуры XIX века.

К настоящему моменту накоплено большое количество компаративистских исследований, прямо или косвенно касающихся данной проблемы. В этом плане следует особо отметить исследования таких азербайджанских ученых-литературоведов, как Ш.К.Курбанов «Этапы развития

азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке» (1972) [7], М.З.Садыхов «Очерки русско-азербайджанско-польских литературных связей XIX века» (1975) [14], А.Дж.Гаджиев «Кавказ в русской литературе первой половины XIX века (1982) [4; 5], М.А.Якубова «Я терялся в развалинах Берд, Шамхора и... Шемахе...» (2009) [15].

Однако, большей частью, в этих исследованиях искомая проблема затрагивается лишь в русле смежных тем. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что к настоящему времени практически нет ни одного цельного полномасштабного исследования проблемы освоения Ислама и шариата русской литературой XIX века, несмотря на то, что именно в этот период в России начинается активное восприятие восточных тем и, в том числе, коранических мотивов.

В связи с этим важным и необходимым представляется нам постановка и разрешение некоторых вопросов, связанных с восприятием и освоением Ислама и шариата русской литературой указанного периода. Необходимо отметить, что именно в данный период развития русской литературы Коран, Ислам и шариат в освоении мусульманского Востока приобретают новый статус. Так как, начиная с XIX века, Персия (ныне Иран), Кавказ и Северный Азербайджан становятся своего рода культурными мостиками в диалоге Востока и Запада, помогавшими русским писателям и поэтам в процессе освоения мусульманского миропонимания и мироощущения проникнуть вглубь исламо-шариатских культурных и религиозных ценностей.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть некоторые проблемы, связанные с восприятием и освоением Корана и Ислама известным русским поэтом и критиком, участником декабристского восстания Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797-1846). Необходимо заметить, что, несмотря на актуальность обозначенной темы, она практически не изучена. Некоторые упоминания об интересе Кюхельбекера к Исламу и шариату можно обнаружить лишь в нескольких исследованиях ряда азербайджанских литературоведов, да и то в контексте анализа иных тем [4, 5, 7, 15]. А между тем, коранические и исламские мотивы оставили заметный след в его литературном наследии.

Следует сразу заметить, что интерес к Востоку, а в первую очередь, к одному из крупнейших памятников мусульманской религии и культуры – Корану, возник у Кюхельбекера еще задолго до службы на Кавказе, о чем свидетельствуют его «Европейские письма» (1820), где, размышляя о своеобразной культуре Испании, поэт пишет: *«Влияние арабов на характер испанских христиан... было велико и богато следствиями»... «Мавры искони любили сказки и рассказы в стихах и рифмах: Алкоран и «Истории Абульфеды» от доски до доски написаны рифмованными хорями. Испанские исторические песни – романсы – явное подражание сим повествованиям»* [13, 305].

О стойкости интереса Кюхельбекера к Исламу и Корану свидетельствует письмо поэта от 21 декабря 1833 года, адресованное Б. Г. Глинке, в котором он просит друзей, помимо прочих книг, прислать ему *«сверх того на каком-нибудь известном мне языке, т. е. французском, английском или немецком, перевод Корана»* [9, 419].

Но подлинное знакомство Кюхельбекера с исламо-шариатской культурой произошло на Кавказе, куда его отправили служить после парижских выступлений.

Во время службы в Тифлисе он интересуется жизнью, историей, культурой народов Кавказа, изучает их быт, нравы и традиции. Глубокая симпатия к народам Кавказа проявилась в целом ряде ориентальных лирических произведений Кюхельбекера.

Как отмечает Якубова, *«в совместных занятиях А.С.Грибоедова и Аббас-Кули-ага Бакиханова принимал участие их сослуживец по канцелярии генерала А.П.Ермолова, будущий декабрист Кюхельбекер. На совместных научных занятиях Грибоедов, Кюхельбекер и Бакиханов осуществляли тот западно-восточный синтез, который сыграл видную роль в сближении литератур»* [15, 21].

Кюхельбекер об исламе и шариате. Так полгода, проведенные Кюхельбекером на Кавказе, не прошли бесследно. Он оказался едва ли не первым русским поэтом, использовавшим в своей поэзии традиционный мотив восточной поэзии – любовь Соловья и Розы – стихотворение «Смерть Байрона» (1824). Данный факт был в свое время отмечен Гаджиевым, который считал, что *«обращаясь к восточной символике, русские поэты, с одной стороны, подчеркивали ее восточное происхождение, а с другой – стремились перенести ее на русскую почву»* [5, 119].

В начале стихотворения идет описание вечера в экзотической восточной стране с описанием некоторых атрибутов местного колорита (*минарет, пророк и др.*). В примечании Кюхельбекер дает такое пояснение: *«на мусульманских гробницах обыкновенно находятся каменные чалмы, а кладбища всегда обсажены цветами»* [11, 3].

В этом произведении будущий декабрист, цитируя арабский текст, ссылается непосредственно на Коран, объясняя необходимость обращения к данному источнику попыткой сделать поэтическое описание восточной местности более колоритным. С этой целью поэт вводит в свое произведение строки, изображающие ритуал мусульманской молитвы:

*За небосклон скатило шар
Златое, дневное светило
И твердь и море воспалило;
По роцам разлился пожар;
Зажженное зыбей зеркало,
Алмаз огромный, трепетало.
Вспылал далекий минарет;*

*Иман, над прахом возвышенный,
Триkrát провозгласил вселенной:
«Бог только бог – иного нет...»
Услышали; в мгновенье ока
Все пали ниц сыны пророка [12, 88].*

В данном фрагменте Кюхельбекер отсылает нас не только к вечерней молитве *магриб*, но и к *Иману*, под которым, скорее всего, подразумевается *муэдзин* (служитель мечети), который читает с минарета *азан* для того, чтобы призвать благочестивых мусульман к обязательной молитве. Не ограничиваясь этим, поэт в предисловии обращает внимание читателей на более точный вариант формулы зачина мусульманской молитвы, и, ссылаясь на Коран, объясняет его функциональное назначение: «В арабском тексте: «Нет бога, кроме бога [6, 257, сура 20, аят 8], а Магомет пророк его [6, 421; сура 48, аят 29]» – обыкновенный зов на вечернюю молитву мусульман» [11, 3].

Необходимо также отметить, что выражение «Нет бога, кроме бога, а Магомет пророк его» используется *муэдзинами* не только при призыве на вечернюю молитву, но и при совершении *намаза* в ежедневном молитвенном цикле, состоящего из пяти обязательных молитв (*фард*). Помимо этого, данная формула отсылает нас к одному из важнейших столпов исламской религии – *шахаде*, произнесение которой является главным условием принятия Ислама, который подтверждает веру в Единого Бога – Аллаха и посланническую миссию пророка Мухаммеда.

Строки о призыве мусульман к вечерней молитве *магриб* встречаются также в незаконченной поэме Кюхельбекера о Грибоедове «Уже выиграл Зефир прохладный...» (1822-1823):

*Уже выиграл Зефир прохладный
И день стремится отдохнуть,
На запад солнце клонит путь,
Бог наших предков, луч отрадный, [12, 237]*

*О чем же поведу рассказ,
Пока всех верных с минарета
Можема протяженный глас
Не распрострет в последний раз [12, 238].*

Упоминания о Коране, о вечернем намазе *магриб* и об *имане* (*муэдзине* – И.А.), зовущим правоверных мусульман к молитве, наблюдаются также в начальных строках поэмы Кюхельбекера «Зоровавель» (1831):

*Бледнеет поздняя заря;
На минаретах позлащенных,
Дрожжа, последний луч сверкнул;
Умолк вечерней пушки гул,
Умолк протяжный глас имана,*

*Зовущий верных чад курана
Окончить знойный день мольбой [12, 265].*

Следует обратить внимание и на следующие строки поэмы:

*Но в сизом дыме калиана,
Безмолвной окружен толпой,
Сидит рассказчик под стеной
Полуразрушенного хана
И говорит: да даст Алла
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И сладко слов моих течение [12, 265].*

На первый взгляд, в данном фрагменте нет ничего примечательного, однако необходимо выделить речевую формулу *да даст Алла*, восходящую к слову *Иншаллаах*, которое представляет собой ритуальное, молитвенное восклицание, междометное выражение, используемое, как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха, фактически выступающее в качестве маркера будущего времени. Таким образом, Кюхельбекер, используя данную речевую формулу, характерную для правоверного мусульманина, хотел подчеркнуть принадлежность рассказчика не просто Востоку, а, прежде всего – Исламу.

В незаконченном произведении Кюхельбекера «Русский Декамерон» (1831) встречается упоминание об одном из ангелов коранического пантеона – Исрафиле, где поэт пишет: «Сказал я слова два и об Исфраиле, ангеле песней, восточном Аполлоне» [10, 514]. Неспроста Кюхельбекер связывает Исфраила с песней, поскольку в мусульманской религии он является вестником апокалипсиса, который стоя на иерусалимской горе, звуками трубы обязан возвестить о воскрешении мертвых в день страшного суда. И именно из-за связи с трубой его иногда называют ангелом музыки [16, 96].

Образ Исфраила встречается и в таких поэтических произведениях Кюхельбекера, как «Мое предназначение» (1834): «*И се! великий Исфраил*» [12, 158]; «Измена вдохновения» (1832): «*К тебе, прекрасный гость мой, Исфраил!*» [12, 161]; «Второй разговор с Исфраилом» (1835): «*Здесь опять ты, Исфраил?*» [12, 164]; «Исфраилу» (1837): «*Темницу превращал ты, Исфраил*» [12, 175]; «А.И.Орлову» (первая треть XIX века): «*Исфраил живет с тобою!*» [12, 196]; «Зоровавель» (1831): «*Где ангел песней, Исфраил*» [12, 276]; «Сирота» (1833-1834): «*Ту шапку ангел песней – Исфраил*» [12, 360].

С позиции исламской философии особое внимание привлекают следующие строки из «Русского Декамерона» Кюхельбекера, как «*Сверх того, найдете известную главу Магометова Курана, запрещающую правоверным изображать человека*» [10, 514]. Как известно, в Коране нет суры, запрещающей мусульманам изображать живых существ. Скорее

всего, поэт под выражением *Магометова Курана* имеет в виду *хадисы* – предания о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающих самые разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманина, в которых упоминается и о наказании художников, не способных вдохнуть жизнь своим творениям в день страшного суда, что согласуется с кораническим стихом: «*Аллах – вот, кто придает вам форму в утробах, как пожелает*» [6, 61, сура 4, аят 5].

Отсылки к сурам Корана наблюдаются также в поэме Кюхельбекера «Зоровавель»:

*Младые витязи – все трое,
Недвижные средь тишины,
Дыханья, скажешь, лишены;
Узнаешь только из сиянья
Их взоров, что не изваянья,
Что был у них живой отец
И в свет их вызвал не резец* [8]

Таким образом, Кюхельбекер мастерски рисует картины предсудного дня, где молодые витязи, с одной стороны лишены дыхания и лежат неподвижно в тишине, с другой же – знают, что их создал Бог, и поэтому смиренно и покорно ждут наступления страшного суда.

В следующих строках поэмы читаем:

*И в день господня правосудья
Не позовут того на суд,
Чей дерзостный, безумный труд
И богохульные орудья
Им образ дали, но в их грудь
Не возмogli души вдохнуть* [8]

Как видно из данного фрагмента, поэт отсылает нас к сурам Корана, в которой рассказывается о судном дне – *Киямате*, являющиеся одним из неотъемлемых элементов мусульманского вероубеждения, согласно которому апокалипсис начнется, как уже отмечалось выше, с двух трубных гласов со стороны ангела Исрафила, первый из которых возвестит об уничтожении всех творений Аллаха, а второй – о воскрешении человечества и начале суда Божьего, где все творения предстанут перед Аллахом и будут отвечать за совершенные ими деяния [6, 469, сура 69].

В вышеприведенном фрагменте поэт изображает сцены и собственно судного дня, в которых вновь прибегает к *хадису* о наказании и запрете изображения человека художниками, так как их труд считается богохульным деянием, поскольку, создав образ, они не в силах *вдохнуть душу в их грудь*, что по мусульманскому вероубеждению присуще исключительно Аллаху. И когда грешники (художники) обращаются к своему творцу со словами:

*Уста кумиров в день конечный,
Когда разгонит ложь и тьму*

*Святое солнце правды вечной,
Творцу промолвят своему:
Твои мы, Аллы подражатель!
Твои мы: узнаешь ли? зри!
Ты дал нам тело, наш создатель,
Нам ныне душу сотвори! [8],*

– то, увидев божий лик, они начинают трепетать и бежать, однако им не удается скрыться от страшного суда:

*И грешник от лица господня
Тогда, трепеща, побежит:
Но гром суда его сразит
И с смехом примет преисподня [8]*

Необходимо обратить внимание и на следующие строки поэмы Кюхельбекера «Зоровавель»:

*Подобно истуканам сим,
О коих на вопрос пророка
(Да будет слава Аллы с ним!)
Принес благим сынам востока
Седьмую суру Серафим [8]*

Здесь поэт упоминает о ниспослании ангелом Серафимом (в исламской религии – Джабраилом, считающимся главным посредником между Аллахом и пророками) – седьмой суры Корана, в которой повествуется о создании первых людей, об Адаме и Еве, поддавшихся искушению дьявола и изгнанных за это из рая, а также о продолжающихся искушениях человека, стремящегося к излишествам в одежде и пище [6, 134, сура 7].

В данном фрагменте Кюхельбекер также использует традиционную в Исламе речевую формулу: *О коих на вопрос пророка // (Да будет слава Аллы с ним!)* – *салават*, которую благочестивые мусульмане произносят после каждого упоминания имени пророка Мухаммеда, о благословении которого говорится и в Коране: «*Воистину, Аллах и Его ангелы благословляют Пророка. О вы, которые уверовали! Благословляйте его и приветствуйте усердно*» [6, 349, сура 33, аят 56].

Следует также отметить, что в более ранних редакциях поэмы Кюхельбекера «Зоровавель», строки фрагмента, в которой упоминается пророк Мухаммед, изначально звучали иначе, чем еще больше отсылали нас к исламо-шариатским предписаниям.

Сравним:

В ранней редакции
*Подобно истуканам сим,
О коих в суре оной грозной
Пророк, противник влаги лозной
(Да будет слава Аллы с ним!),
Вещает читателям своим [12, 271]*

В окончательной редакции
*Подобно истуканам сим,
О коих на вопрос пророка
(Да будет слава Аллы с ним!)
Принес благим сынам востока
Седьмую суру Серафим [8]*

Таким образом, как отмечал поэт в дневниковых записях, «*строка «Пророк, противник влаги лозной» не удовлетворяла, решительно разочаровывала его, поскольку являлась пространным уподоблением и аллегорией»* [10, 272]. Так, в результате заключения самого автора данная строка не попала в окончательную редакцию поэмы. Однако сохранилась в незаконченном произведении Кюхельбекера «Русский Декамерон», в котором рассказывается, как герои из-за эпидемии холеры покидают Москву и живут в деревне. Подобно героям Боккаччо, главный герой Чинарский¹ развлекает остальных, разбирая выдержки из своего рассказа, в которых изображаются события, описанные в поэме «Зоровавель».

Так, строка «*Пророк, противник влаги лозной»* свидетельствует о том, что Кюхельбекер был хорошо знаком с господствующими в мусульманском обществе предписаниями, согласно одному из которых пророк Мухаммед, ссылаясь на такие коранические стихи, как «*О, вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите...*» [6, 86, сура 4, аят 43]; «*Они спрашивают тебя о вине и азартных играх. Скажи: В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы»* [6, 50, сура 2, аят 219]; «*Воистину, сатана при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвлечь вас от поминания Аллаха и намаза»* [6, 113; сура 5, аят 91], – запретил благочестивым мусульманам употреблять вино...

Заключение и научная новизна. Таким образом, освоение и восприятие Кюхельбекером Ислама и Корана носило последовательный характер. В отличие от его современника Грибоедова, чьи наблюдения и размышления о религии мусульман и ее приверженцах были отражены лишь в многочисленных путевых записках и переписке (в большинстве своем – официальной), то Кюхельбекеру, как поэту, обладающему высоким уровнем художественного мастерства, в процессе освоения и восприятия Ислама и шариата, удалось через субъективное мироощущение тонко и умело передать как поэзию Корана, так быт, нравы и обычаи восточного человека. Это наводит на мысль и о ментальном освоении, в результате которого характерные особенности мировосприятия и мышления мусульманина органически соединяются с собственным мировоззрением самого Кюхельбекера, что способствует его приближению к национальному миру мусульманских народов, расширяет границы изображаемой действительности, создает условия для проникновения в психологию мусульманина. Иным подходом отмечено отношение к Исламу и Корану еще одного яркого представителя той эпохи – Ф.Н.Глинки. Но это задача наших новых изысканий.

¹ Фамилия главного героя восходит к азербайджанскому слову «чинар, чинара» – название дерева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева С.А. Восток в древнерусской литературе (на материале «Хождений»): автореферат дисс. кандидата филологических наук: 10.01.01. Баку, 1990, 27 с.
2. Асадов И.Н. Ислам и Шариат в русской литературе первой трети XIX века (статья первая) // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. № 2/2020, Kars, Temmuz, 2020. s. 35-46.
3. Асадов И.Н. Проблемы освоения Корана русской литературой первой трети XIX века // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. № 1/2020, Kars, Mayıs, 2020. s. 93-100.
4. Гаджиев А.Дж. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982, 160 с.
5. Гаджиев А.Дж. Этапы литературного братства. Из истории литературных связей России с Кавказом. Баку: Язычы, 1986, 234 с.
6. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986, 730 с.
7. Курбанов Ш.К. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке. М.: Наука, 1976, 210 с.
8. Кюхельбекер В. К. Зоровавель. // az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0200.shtml. Müraciət tarixi: 17.06.2020
9. Кюхельбекер В. К. Письма из крепостей и ссылки (1829-1846) // Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Москва: АН СССР, 1954, т. 59. с. 395-478.
10. Кюхельбекер В.К. Путешествие, дневник, статьи. Ленинград: Наука, 1979, 793 с.
11. Кюхельбекер В.К. Смерть Байрона. М.: Типография московского императорского театра, 1824, 14 с.
12. Кюхельбекер В.К. Сочинения в 2-х тт. Л.: Советский писатель, 1939, т. 1., 592 с.
13. Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1989, 578 с.
14. Садыхов М. З. Очерки русско-азербайджанско-польских связей в XIX веке. Баку: АГИ, 1975, 180 с.
15. Якубова М.А. Я терялся в развалинах Берд, Шамхора и... Шемахе. Баку: Чашыюглу, 2009, 143 с.
16. Webster R. Encyclopedia of Angels. Minnesota: Llewellyn, 2009, 248 p.

XIX ƏSRİN I QƏRİNƏSİNDƏ RUS ƏDƏBİYYATINDA İSLAM VƏ ŞƏRİƏT (V.K.Küxelbekerin yaradıcılığı əsasında)

İ.N.ƏSƏDOV

XÜLASƏ

Məqalədə tanınmış rus şairi və tənqidçisi, dekabristlər hərəkatının iştirakçısı V.K.Küxelbekerin yaradıcılığı əsasında XIX əsrin I qərinəsində (ilk üçdə bir dövründə) rus ədəbiyyatında şəriət, islam və Quran mövzularının dərk edilməsi və mənimsənilməsi problemi nəzərdən keçirilmişdir.

Küxelbekerin Qafqazda keçirdiyi yarım il əbəs ötməmişdir. Şair burada yaşayan müsəlman xalqlarının mədəniyyəti, adət və ənənələri, həyat tərzlərini öyrənməklə yanaşı, İslam və şəriətin əsas ehkamları ilə, o cümlədən Quranın məzmunu ilə yaxından tanış olmuşdur. Bu da öz növbəsində, müsəlman dünyagörüşü və düşüncə tərzilə Küxelbekerin şəxsi görüşlərinin üzvi şəkildə birləşməsinə səbəb olmuşdur.

Quranı oxumasının təsiri öz təzahürünü onun bir sıra nəzm və nəsr əsərlərində, həmçinin dostları ilə yazışmalarında da göstərmişdir ki, tədqiqatımızın da məqsədi bu problemin araşdırılmasından ibarətdir.

Açar sözlər: Küxelbeker, İslam, Şəriət, Quran, surə.

**ISLAM AND SHARIAT IN RUSSIAN LITERATURE
IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY
(based on the works of V. K. Kuchelbecker)**

I.N.ASADOV

SUMMARY

The article considers the problem of understanding and mastering the themes of Sharia, Islam and the Koran in Russian literature in the first half of the XIX century (the first third period) based on the works of the well-known Russian poet and critic, participant of the Decembrist movement V. K. Kuchelbecker.

The half-year spent by Kuchelbecker in the Caucasus was not in vain. The poet studied the culture, customs and traditions of the Muslim peoples living here, as well as the basic tenets of Islam and Shariat, as well as the content of the Koran. This, in turn, led to an organic combination of Kuchelbecker's personal views with the Muslim worldview and way of thinking.

The influence of reading the Koran has been reflected in a number of his poems and prose, as well as in his correspondence with friends, and the purpose of our research is to investigate this problem.

Keywords: Kuchelbecker, Islam, Shariat, Koran, surah.